

События двадцать четвёртого февраля обрушились на меня, когда я и мой муж Жан отдыхали в харьковском отеле со странным названием Кару\$та. Муж лечил в Харькове непонятную для французских, но вполне понятную для украинских врачей болезнь, причём уверенность их диагностики росла с увеличением суммы евро. Фирма Жана в Париже приносила доход, достаточный для оплаты самых фантастических консультаций, поэтому я по поводу денег не заморачивалась, тратя время на общение с живущими в Харькове подружками, закончившими некогда вместе со мной местный фармацевтический вуз.

Услышав звуки канонады, мы онемели, а потом помчались к администрации отеля выяснять ситуацию — и услышали слово «война».

— Не волнуйтесь! — снисходительно сказал администратор. — ВСУ непобедимы, к тому же с нами НАТО, так что вскоре от России только головешки останутся.

Объяснение мне не понравилось: у меня мама в Крыму осталась, да и по рождению я россиянка, но спорить не стала — повела Жана в ближайший магазин за продуктами и водой, успокаивая его тем, что Россия, набив Украине за пару дней задницу, вернётся к своим границам, поэтому пересидим этот период в отеле. Чтобы попасть в магазин, пришлось отстоять километровую очередь, но сушёные фрукты, воду, сыр, сладости и консервы нам всё-таки удалось купить и даже дотащить до отеля.

Жан — хороший человек, но, как единственное дитя богатых родителей, к тяжёлым ситуациям не привык и вздрагивал

при каждом шорохе. Сидим в номере день, два, канонада ближе, в Харькове взрывы, НАТО спряталось в кустах, — и понимаем, что всё серьёзно и война накрыла нас с головой. Бежать некуда: аэропорт то ли разбит, то ли закрыт, немногочисленные поезда осаждают толпы людей, выезд из города контролируют блокпосты, по улицам патрули шастают, мужиков на пушечное мясо отлавливают. Из тюрем преступников выпустили, оружие им вручили, чтобы грабить было сподручней.

Жан в панике и готовится к смерти — да так, что и меня своим настроением заразил. Особенно когда увидела, как доблестные ВСУ свои «Грады» возле отеля размещают, чтобы свои шкуры нашими телами прикрыть.

Звоню по смартфону маме.

— Прощай, — говорю — вряд ли выживу!

Мама смотрит на меня сурово:

— Тебя эта Франция в слизняка превратила! Твоя бабушка два года в Отечественную войну партизанила, а ты от нескольких взрывов раскисла. Забудь, что ты французская мадам, и вспомни, что ты, во-первых, крымчанка, во-вторых, русская баба. И ещё: у тебя в сумочке самое грозное оружие в мире — деньги. Хватай Жана в охапку, ночью пробирайся на вокзал, штурмуй поезд и поезжай во Львов: а там и граница недалеко. Поняла?!

— Спасибо, мама!

Отключаю смартфон и готовлюсь к побегу (не догадываясь, что сразу после звонка мама, став на колени перед иконой, плачет и молится о моём спасении). Изучаю диспозицию: расстояние от Кару\$та до железнодорожного вокзала — два километра, поезд Харьков — Киев — Львов отправляется в шесть часов утра. Чтобы успеть, нужно в три часа ночи отправляться.

Я и Жан по старой студенческой привычке с рюкзачками по городу ходили: их я и укомплектовала. В свой — документы, деньги, дорогие украшения, лекарства, запасное бельё, носки, кое-что из одежды; рюкзак Жана набила продуктами. Три чемодана с остальным имуществом со вздохом оставила в номере, мысленно оплакав пошитые у Кристиана Лакруа платья.

В три часа утра, сунув дежурному администратору пятьдесят евро, я и Жан выбрались из отеля и заторопились в сторону вокзала. Темнота... Далёкая канонада... Улицы, отсутствием транспорта и людей напоминающие кладбища... Прыгающая по тучам луна... Чьи-то шаги навстречу: хватаю Жана за руку и

тащу в ближайшее укрытие — за гору мешков, набитых песком и сложенных на краю тротуара... Солдат с автоматом, бредущий по проезжей части и поглядывающий по сторонам. Странно: патрули обычно парами ходят... Подождав, когда шаги стихли, побрели дальше, периодически натыкаясь на таких же солдат-одиночек и прячась где получится. Устали, пришлось несколько раз останавливаться, отдыхать... Жан — мужичонка квёлый, и рюкзак у него тяжёлый: чувствую, вот-вот упадёт. Забрала рюкзак, схватила мужа под руку и волоку, подбадривая себя тем, что я русская баба и всё выдержу. Слава Богу, вокзал показался: поезд и рвущаяся к вагонным дверям толпа.

Останавливаю, перевешиваю рюкзак с продуктами на Жана, достаю из своего рюкзака пятьсот евро и, схватив Жана за руку, бросаюсь на прорыв. Минут через десять пробилась к проводнице, которую о чём-то упрасивал плачущий мужчина с младенцем на руках.

Сунула проводнице пятьсот евро, спрашиваю мужчину:

— Что случилось?

— Жену случайной пулей убило, — плачет, — деньги на вокзале украли, а ехать надо.

Проводница посторонилась, нас в вагон пропуская. Вытalkingиваю вперёд Жана, за ним со словами:

— Он со мной, — мужчину с младенцем, а потом и сама в вагон ныряю.

Проводница доводит нас до спального купе: шесть женщин и овчарка в ошейнике и на поводке.

— Здесь располагайтесь — говорит проводница мне и Жану. — А мужчину с ребёнком я в другом вагоне устрою.

Заходим в купе, здороваемся. Женщины потеснились, дали возможность сесть. Оглядываю хмурые лица и думаю о том, что дорога дальняя и надо из этих тёткок коллектив делать под лозунгом: «Скованные одной бедой!»

— Меня Наташей зовут — говорю. — А мужа моего — Жан.

Выслушали, представились: Таня, Люда, Полина, Оксана, Ксения, Злата. Полина сообщила, что её овчарку, выполняющую роль телохранителя, зовут Рекс.

Разговорились. Все ехали до конечной станции; о дальнейших планах умалчивали.

Поезд тронулся с места и, постукивая колёсами, поспешил из города. Все замолчали, глядя в мелькающие за окном дома, деревья. Каждый прощался с той жизнью, которую забрала война.

Минут через двадцать проводница предложила чай. Все засуетились, доставая из сумок продукты. Увидев озадаченное лицо Полины, поняла, что её этим утром заботило спасение овчарки, а не запас еды.

— Дамы, — говорю, — предлагаю сложить все продукты в один котёл.

И начинаю рюкзак опустошать. Увидев мой продовольственный склад, все явно обрадовались и согласно закивали головами. Сунув Жану кулёк с сухофруктами, сладостями и банкой тушёнки, велела найти в поезде мужчину с младенцем и отдать вместе со ста евро.

После завтрака, посетив туалет и закрыв купе, решили подремать. Жан и Злата расположились наверху, налопавшийся AlpenHof Рекс — на полу, а остальные, прислонившись друг к другу, — на нижних полках. Заснула я сразу и впервые за последние несколько дней — спокойно. Потом началось словесное общение: дамы ругали Путина и Россию, а я молчала и думала о том, что сегодняшняя ситуация — это расплата украинцев за отключение Крыма от воды и электроэнергии, за восьмилетние артобстрелы Луганска и Донецка, за Аллею ангелов, где в числе прочих детей похоронена разорванная снарядом шестилетняя дочка моей дальней родственницы... Так, в разговорах, сне и еде, прошло восемь часов.

Забежавшая в купе проводница, ткнув пальцем в Жана, объявила:

— Через полчаса — киевский вокзал, прячьте мужика, иначе заберут воевать.

— Но он — гражданин Франции! — изумилась я.

— Да хоть Полинезии! — выматерилась проводница. — Всех гребут.

Я задумалась. Туалет отпадает — его в первую очередь проверят, место для багажа внизу и вверху забито сумками и грудой одеял, к тому же он там не поместится... Замаскировать под женщину, сбрав Жану волосы на голове и усики, не успеем, да и парика нет...

Затаившийся на верхней полке Жан смотрит на меня умоляюще: не хочется ему воевать. Да и не брошу я его: придётся вместе с ним в солдаты идти. Разве что...

— Доставай одеяла и спускайся вниз, — командую Жану.

— Девочки, нужна ваша помощь, — обращаюсь к своим спутницам.

И объясняю диспозицию.

Дамы нахмурились: у них мужья в Харькове остались, а тут чужого мужчину спасти предлагают. Только Полина и Злата одобрительно кивнули, остальные отворачиваются, плечами пожимают... Пришлось прибегнуть к серьёзному аргументу: вытащила из рюкзака свои украшения — каждой что-то досталось.

Через двадцать минут завёрнутый в два одеяла Жан лежал на боку, прижатый к стенке купе четырьмя дамскими спинами. На коленях у дам лежало одеяло, ещё одно одеяло укрывало женские ножки напротив.

Поезд остановился, началась высадка и посадка пассажиров. Затопали солдатские берцы: в вагон вошёл военный патруль. Двери купе мы оставили открытыми: стоя на пороге, патрульный окинул взором наши лица, одеяла, задрал голову вверх, покосился на Рекса и прошёл дальше. Но с облегчением я вздохнула только тогда, когда поезд тронулся с места.

Освобождённый из плена Жан радостно улыбался и целовал женщинам ручки, даже меня не забыл. Отпраздновав успех операции чаем и консервами, вернулись к обычному пассажирскому времяпровождению. Поезд шёл медленно. Стихли звуки канонады: мы выбрались из войны. Позвонила маме, обрадовала её.

На львовский вокзал приехали поздно ночью. Попрощались со спутницами: у каждой во Львове были родственники или друзья. В зале ожидания удалось найти свободные кресла; подремали до утра, а затем на такси добрались до украино-польского пункта пропуска Краковец — Корчова. Теста на коронавирус у нас, естественно, не было: его заменили пятьсот евро, которые я сунула таможенникам.

Такая вот история: вроде бы с благополучным окончанием, но всё равно печальная. Я знаю, что Россия доведёт спецоперацию до победы: нет силы, способной противостоять русскому оружию. Вот только славян станет меньше, и многие мальчики и девочки не увидят восход солнца...